

УДК 115(470+571)

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-57-63

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Малова Ольга Вадимовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В статье дан обзор основных направлений интерпретации времени в первой половине XX в. в истории русской философии. Отмечена взаимосвязь темпоральных концепций с современными им достижениями физики, биологии, психологии и других наук. Обозначены основные подходы к изучению времени, дано их краткое описание, отмечены основные работы философов. Представлены различные трактовки понятия «время», рассмотрен контекст использования этого термина в разных теориях времени данного периода. Рассмотрены научно-философское, религиозномистическое и культурологическое направления. Отражены ключевые положения теорий хронотопа А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина, представлено время как «четвертая координата» (П.А. Флоренский), как «форма событий» (Н.О. Лосский), как «атрибут материи» (В.И. Ленин), рассмотрены темпоральная триада Н.А. Бердяева и «разумное время» В.Н. Муравьева. Прослежена история понятия «хронотоп», описаны изменения его трактовки различными мыслителями и применение в произведениях литературы. Особое внимание в статье уделено пониманию времени в русском космизме рассматриваемого периода. Данное направление представлено работами В.Н. Муравьева, последователя Н.Ф. Фёдорова, объединившего в своих трудах и естественнонаучный, и религиозномистический космизм.

Ключевые слова: время, пространство, физическое время, историческое время, биологическое время организма, хронотоп.

THE PROBLEM OF TIME IN RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

Olga V. Malova

Lomonosov Moscow State University

The paper briefly encounters the main interpretations of time in the first half of the 20th century in the history of Russian philosophy. The paper notes the interconnection of time conceptions and recent developments in physics, biology, psychology and other areas of science. As well as that, there is the note on the main approaches to studying time, their brief description and the list of the central philosophers' papers. The different renderings of the «time» concept are presented, along with the context analysis of its usage in various time theories of the given period. The papers also contemplates the science-philosophical, religious-mystical and cultural schools. The article also presents the key aspects of Uhtomskiy and Bakhtin theory of chronotope and further shows time as the «fourth coordinate» (P. Florenskiy), as the «shape of events» (N. Losskiy), and «matter attribute» (V. Lenin). As well as that, the paper depicts the temporal triad by N. Berdyayev and «intelligent time» by V. Muravyov. The history of the chronotope term is deduced, as well as its change by various thinkers and integration in literary writings. The special attention is given to time understanding in Russian cosmism of the same period. This determination is represented by the works of V. Muravyov, the adherent of N. Fedorov, who unified the natural-science and religious-mystical cosmism.

Keywords: time, space, physical time, historical time, organism biological time, chronotope.

Среди фундаментальных понятий, используемых в философии, есть категории, осмысление которых продолжается с незапамятных времен по сей день в самых различных философских направлениях и школах. К числу подобных категорий смело можно отнести «время». Проблема времени занимает умы

деятели искусства, науки, философии. Размышления о природе времени, попытки его описания, выделения сущностных характеристик и разделения его на виды присущи даже протофилософии. Например, можно вспомнить «джет» и «нехех» у египтян, соотнесенные с соответствующими богами

(Осирисом и богом Солнца), которые разделяют время исходя из критериев завершенности и изменчивости, потенциальности. Особую роль в начале XX в. сыграла теория относительности А. Эйнштейна, благодаря которой были внесены существенные корректировки в представления о времени. Научные дискуссии, посвященные исследованию данной проблемы, в основном отталкивались от нового взгляда, привнесенного этим великим ученым.

Для начала XX в. характерен разносторонний подход к изучению времени. Отдельно стоит выделить научно-философские поиски, связанные с уже упомянутой новой теорией из сферы физики, принесшей соответственно и новое видение в мир метафизический. Помимо высокой роли физики в исследовании времени важную роль играют такие науки, как биология и психология, также позволяющие отталкиваться при построении философских систем от появляющихся новых данных о человеке. К такому направлению можно отнести, например, хронобиологическую теорию А. Ухтомского, проводящую различие между физическим временем и временем организма человека.

Физиолог А.А. Ухтомский в 20-е гг. XX в. высказывает идеи о духовном возрасте и развитии, о различии между физическим временем и временем живого организма. По его мнению, между физическим временем и временем организма есть противоречие. Физическое время равномерно и необратимо, а время организма, биологическое время, обладает иными, противоположными, характеристиками, оно неравномерно и относительно обратимо. Это возможно благодаря наличию у человека памяти, разделяющей прошлое, настоящее и будущее. В 1924 г. ученым было сформулировано понятие «хронотоп» (от др. греч. χρόνος — «время» и τόπος — «место») — «закономерная связь пространственно-временных координат» [10, с. 347], комплекс пространственно-временных отношений предметов и явлений в физической среде, окружающей человека. А.А. Ухтомский заявляет о существовании биологического времени, собственного времени живого организма и подчеркивает единство и универсальность времени и пространства в мире и его объектах. Он переносит данные категории из физической и в биологическую сферу. Для изучения пространственно-временной организации биологических систем А.А. Ухтомский предлагал ввести специальный раздел биологии — хронотопобиологию. Также он высказывает предположение, что человек должен обладать определенными физиологическими системами для восприятия хронотопа среды, что означает индивидуальный характер восприятия.

А.А. Ухтомский опирается на научные исследования предшественников и современников. Например, на модель естественного объединения пространства и времени математика Г. Минковского, созданную в

1908 г. на основе специальной теории относительности А. Эйнштейна. Модель Г. Минковского он дополняет введением аспекта человеческого восприятия: «с точки зрения хронотопа существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [10, с. 342]. Хронотоп может связать две меры времени: физическую, единицей которой выступает секунда, и биологическую, биосферную у В.И. Вернадского, введшего понятие декамириады, служащей единицей для измерения времени медленных геологических событий.

В середине XX в. эти идеи А.А. Ухтомского о пространственно-временной организации биологических систем дальнейшего развития не получили. Однако учение о доминанте и хронотопе из сугубо физиологических исследований переросло в философское рассмотрение в рамках русской философской антропологии. Существенную роль в этом процессе сыграл М.М. Бахтин, создавший свою теорию хронотопа.

Философ и культуролог М.М. Бахтин переводит рассмотрение хронотопа в гуманитарное русло. Он называет хронотопом «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений» [1, с. 234]. М.М. Бахтин поясняет, что заимствует этот термин из математического естествознания, где он был введен благодаря теории относительности А. Эйнштейна, заимствует «почти как метафору» [1, с. 234], выделяя основную черту: выражение неразрывности пространства и времени. Осмыслению данного термина в гуманитарной сфере также поспособствовал доклад о хронотопе в биологии А.А. Ухтомского, на чтении которого летом 1925 г. присутствовал М.М. Бахтин. Это понятие применяется им в литературоведении, он анализирует проблему времени в произведениях литературы.

В 1937–1938 гг. он пишет работу «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике», где применяет данный термин в контексте литературоведения. «Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [1, с. 234]. Работа посвящена анализу типологически устойчивых хронотопов, которые определяют жанровые разновидности романа.

В «Заключительных замечаниях» к этой работе, написанных намного позже, в 1973 г., подытоживается значения хронотопа в литературоведении. М.М. Бахтин подчеркивает хронотопичность литературы и искусства, поясняя, что абстрактное мышление может разделять категории пространства и времени, но живое художественное созерцание вос-

принимает хронотоп только целостно. Им рассматриваются типичные литературные хронотопические ценности. Выделяются мистериальные хронотопы, как бы выпадающие из общего течения времени, но несущие особую смысловую нагрузку для понимания сути происходящего. Это, например, хронотопы лестницы, передней, коридора, улицы в произведениях Ф.М. Достоевского или биографическое время в романах Л.Н. Толстого. Остановившись подробно на разборах крупных хронотопов, автор обращает внимание, что каждый большой хронотоп может включать в себя множество мелких хронотопов. Также в произведениях литературы нам представлены хронотопы автора и слушателя-читателя, смешение которых в формате наивного реализма недопустимо. Реальный мир и мир, изображенный в произведении, не должны смешиваться, как и автор должен быть вне хронотопа произведения — по касательной к нему, как пишет М.М. Бахтин.

Для М.М. Бахтина хронотоп выражает определенный культурный или художественный смысл. При обращении к литературным произведениям он выделяет важную роль умения видеть время и выражать его художественными средствами. Здесь существенными становятся такие характеристики хронотопа, как его сюжетное и изобразительное значение. В гносеологическом аспекте хронотоп выражает единство и неразрывность пространства и времени.

Философ и богослов П.А. Флоренский также занимался изучением этого вопроса, но в совершенно ином контексте. Для него характерен разноплановый подход к рассмотрению проблемы времени. Оно упоминается им в связи с обращением к вопросам жизни и смерти, культуры, сознания и иным важным для автора понятиям. В его работе «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях» пространство и время представлены как символические формы мысли и культуры. Он рассматривает время как четвертую координату, или четвертое измерение действительности. П.А. Флоренский не испытывает никаких гносеологических сомнений и принимает категорию времени как нечто очевидное: действительность находится во времени, наше восприятие, соответственно, с ним связано. Однако он отмечает удивительный момент: «почти от всякого ускользает существенность этого проникновения всей действительности временем. Связь с временем представляется какой-то случайностью, от которой, сделав надлежащее усилие, можно было бы в случае надобности избавиться, подобно тому, как можно стереть с вещи слой насаженной на нее пыли. Время представляется — не в пример прочим трем координатам действительности, отрицать которые означало бы уход от действительности, — каким-то недоразумением, и попытка отвлечься от него — подходом к более точному знанию действительности» [11,

с. 97]. Каждая вещь обладает этой четвертой характеристикой, является четырехмерной за счет трех направлений пространства и толщины времени.

П.А. Флоренский в разделе «Время и Рок» не менее известной работы «Столп и утверждение истины» рассматривает время в контексте вопроса жизни и смерти: «Существование во времени по существу своему есть умирание, — медленное, но неуклонное, наступление Смерти. А Смерть — не что иное, как более напряженное, более эффективное время, более обращающее на себя внимание Время. Живя — умираем, умирая — живем. Умирание есть условие жизни. Не бывает настоящего без прошедшего; не бывает жизни без смерти. Смерть завит в акт рождения, и рождаемое — тленно. Рождение и смерть — полюс одного» [13, с. 530]. Смерть рассматривается им как акт перехода в жизнь вечную, как рождение для вечности.

Поскольку временная характеристика является неотъемлемой составляющей, то и человека можно рассматривать через форму его личности во времени. Каждая точка этой временной линии имеет свое значение, нельзя выделять какой-либо период как наиболее или наименее важный, важен облик человека в целом. Существует внутренне предначинанная линия времени рода, которая изменяется под воздействием внешних факторов, но должна возвращаться к своему пути, иначе род погибнет. Помимо времени человека он использует понятие внешнего времени, т.е. времени бездушных вещей. Исходя из подобного видения осмысленного временного содержания жизни, П.А. Флоренский критикует дарвинизм, упрекая его в представлении мира как безвременного [11].

Еще одна работа П.А. Флоренского «Иконостас» содержит обращение к вопросу о времени в связи с рассмотрением сновидений: «Едва ли не правильно то толкование сновидений, по которому они соответствуют в строгом смысле слова мгновенному переходу из одной сферы душевной жизни в другую и лишь потом, в воспоминании, т.е. при транспозиции в дневное сознание, разворачиваются в наш, видимого мира, временной ряд, сами же по себе имеют особую, не сравнимую с дневною, меру времени, “трансцендентальную”» [12, с. 1]. Он обращает внимание на несоответствие течения времени во сне реальному времени. Во сне можно, например, за короткий промежуток времени прожить существенно более длительный период времени, даже целую жизнь. Время может «течь с бесконечной скоростью и даже, выворачиваясь через себя самого, по переходе через бесконечную скорость, получать обратный смысл своего течения» [12, с. 1]. П.А. Флоренский пишет о мнимом или обращенном течении времени, времени, которое «от будущего к прошедшему, от следствий к причинам, телеологическим, и это бывает тогда, когда наша жизнь от видимого пе-

реходит в невидимое, от действительного — в мнимое» [12, с. 1].

Уплотнение времени, увеличение его удельного веса возможно и через искусство. Деятельность человеческого сознания способна осуществлять этот процесс. Через изобразительное произведение происходит передача времени, его организация. Необходимо различать время, присутствующее в произведении, и время, в котором находится произведение как вещь. П.А. Флоренский отмечает кинематографический прием, с помощью которого вводится время в произведение: «организация времени всегда и неизбежно достигается расчленением, т.е. прерывностью» [11, с. 163].

Проблема времени является ключевой проблемой и для экзистенциальной философии Н.А. Бердяева. Время рассматривается им в тесной взаимосвязи с понятием вечности. Он придерживается субъективистской позиции, считая время не координатой или формой мира, а продуктом объективации человеком внеположенной реальности. Образуется время не физическая реальность, а «трансцендирующий субъект». Существенную роль в формировании подобной позиции сыграли идеи А. Бергсона и М. Хайдеггера, в которых время представлено как форма отношения человека к самому себе и окружающему миру. Еще одним ключевым понятием для философии Н.А. Бердяева является понятие творчества. Эти понятия в его концепции тесно связаны идеей творческого преодоления временной обусловленности бытия.

Для характеристики подхода к времени Н.А. Бердяева используется темпоральная триада: время «космическое», время «историческое», время «экзистенциальное». Это понимание данной проблематики корректно для описания позднего периода его творчества. В ранних работах, например, в «Философии свободы», написанной в 1911 г., время рассматривается им в культурологическом ключе, как символ конечности существования, порождающий желание найти способы преодоления бренности бытия. Время противопоставляется вечности как вневременному совершению. Здесь возникает понятие «испорченного» времени, так автор называет время, потерявшее свою цельность. В эсхатологическом ключе ему близки идеи обратимости времени, изложенные Н.Ф. Фёдоровым, но «идея творческого изменения мира, с точки зрения Бердяева, нуждается в теоретическом корректировании. В персонализме Н.А. Бердяева проективная концепция Н.Ф. Фёдорова рассматривается как процесс духовного развития личности» [9].

В работе следующего периода его творчества «Смысл истории» (1923 г.) появляется еще один тип времени: «небесное», или «ноуменальное» время вселенского развития, лишённое деления на прошлое, настоящее и будущее: «целостная жизнь, ко-

торая совмещает прошлое, настоящее и будущее в едином целостном всеединстве, поэтому действительность, отошедшая в прошлое, не есть умершая историческая действительность; не менее реальна она, чем та, которая свершается в данное мгновение или та, которая будет свершаться в будущем. Каждый может быть приобщен к истории постольку, поскольку он существует в этой зоне мировой действительности. Христианское учение открывает эту вечность» [2, с. 88].

Если время космическое является равномерным и измеримым метрически, то историческое время, хоть и включается в структуру космического, обладает векторной характеристикой, направлено в будущее. Оно раздроблено на прошлое, настоящее и будущее, разбито на множество моментов, которые образуют не вечностный, а временный план существования бытия, исторический. Экзистенциальное время, рассматриваемое им в субъективно-антропологическом ключе, невозможно измерить метрически, оно связано с чувственным миром человека длительностью его переживаний. В работе «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (1934 г.) Н.А. Бердяев рассматривает время как «болезнь к смерти», осознание всех событий как преходящих приводит к этой «болезненности» восприятия времени человеком. Страх перед смертью, перед законами существующего мира рассматривается им в контексте его персоналистского подхода, где время также фигурирует во взаимосвязи с понятием объективации, из-за которой человек подчиняется власти времени [3].

Темпоральная триада Н.А. Бердяева выстроена на основе его концепции трех реальностей: природы, истории и внутреннего мира человека. Человек находится во всех перечисленных реальностях, каждая из них имеет свое значение для него.

Один из основателей интуитивизма, Н.О. Лосский, также рассматривал проблематику времени в своих работах. В его онтологической модели человек является сверхвременным и сверхпространственным бытием, тесно взаимодействующим с миром, рассматриваемым им как некое органическое целое.

Время рассматривается им как форма событий, понимаемых им как состояния вещей, возникающие во времени и через различные промежутки времени уходящие в прошлое, это изменение состояния вещей. Время представляет собой ряд элементов-мгновений, он непрерывен, делим до бесконечности. События учитываются им как физические, так и психические, соответственно он разделяет физическое и психическое время. Еще один вывод делает Н.О. Лосский: пустого времени не бывает, оно всегда содержательно и связано с определенными явлениями.

Н.О. Лосский изучает отношения, возникающие между событиями. Они тесно связаны с временной

характеристикой, т.к. происходят прежде, после или одновременно. Поскольку «сама временная последовательность вневременна», временные отношения есть «суть моменты конкретного целого, не временные», а «временность принадлежит конкретным целым вещам и событиям» [6, с. 363–364], то должно быть связующее начало для всего происходящего во времени. Таким сверхвременным началом является субстанция, «сверхвременное существо, творящее свои проявления во времени и являющееся носителем их ... творческий источник своих проявлений» [5, с. 24], такое существо он называет субстанциональным деятелем. Время для Н.О. Лосского как раз является результатом творчества таких субстанциальных деятелей: «Мир не находится во времени и пространстве: наоборот, время и пространство находятся в мире, поскольку деятели придают своим проявлениям эти формы» [6, с. 217].

Понятию «время» уделено место и в получившей в этот исторический период широкое развитие марксистской философии. В.И. Ленин (Ульянов), например, говорил о времени как о атрибуте материи. Материя рассматривается им как объективная действительность, которая существует в пространстве и времени независимо от человеческого сознания, обладает самодвижением. Подобный подход к осмыслению реальности исключает из объективной действительности всякого рода «духов», которые могли бы существовать вне общих законов, обусловленных рамками пространства и времени. Независимость материи от сознания исключает субъективно-идеалистическое толкование материи как явления человеческого, животного или божественного сознания. В.И. Ленин писал: «В мире не существует ничего, кроме движущейся материи, и эта движущаяся материя не может двигаться иначе как в пространстве и во времени» [4, с. 181]. Материя объективно и независимо от человека, его сознания, возможностей ее познания и восприятия существует в форме вещества и поля. В.И. Ленин выделял и абсолютность, и относительность наших представлений о пространстве и времени. С одной стороны, они абсолютны, т.к. связаны с признанием объективной реальности пространства и времени как основных форм существования движущейся материи. С другой стороны, одновременно можно отметить и их относительность: человеческие представления о пространстве и времени историчны, неполны, изменчивы, зависят от естественнонаучных данных. Пространство и время в рамках данного подхода рассматриваются исключительно как формы существования материи, что обуславливает их определенные качества: объективность, независимость от сознания, вечность существования (ведь материя вечна), безграничность и бесконечность.

Не утрачивает свои позиции и русский космизм, возникший еще в середине XIX в., рассматриваю-

щий проблему времени в общепланетарном масштабе, во взаимодействии макрокосмоса и микрокосмоса-человека. К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский (представители естественнонаучного космизма) формируют отдельное направление, отличное от изначального религиозномистического космизма Н.Ф. Фёдорова, также получившего широкое распространение в этот период через его последователей. Во многом это связано с уже помертвой публикацией корпуса его текстов, произведенной в 1906–1913 гг. его учениками В.А. Кожвиновым и Н.П. Петерсоном. В рамках русского космизма учениками и последователями Н.Ф. Фёдорова расширяется круг вопросов, поднятых им. Пристальное внимание уделяется и проблеме времени, собственный взгляд на которую изложил один из последователей Н.Ф. Фёдорова — В.Н. Муравьев.

«Овладение временем как основная задача организации труда» В.Н. Муравьева является его наиболее известным произведением, успешно преодолевшем советскую цензуру (опубликовано в 1924 г.), это единственная крупная прижизненная публикация. Данная работа была адаптирована для возможности публикации в условиях существующей в тот период идеологии. Если объединить его взгляды, отраженные в ней, с корпусом иных текстов, не изданных при жизни автора, то возможно представить целостное видение им времени. Тема времени рассматривается им в различных контекстах, неразрывно связана с пониманием пространства, всеобщего воскрешения, соборности, мессианского акта, активной апокалиптики и иными ключевыми для него понятиями.

В.Н. Муравьев прямо поясняет свое понимание времени, не оставляя возможностей для сомнений, догадок и искажающих суть толкований: «мы называем овладением временем всякое вообще сознательно и целесообразно произведенное изменение в природе, поскольку оно создает или воссоздает реальность, согласно имеющемуся образцу» [8, с. 31]. Под овладением временем понимается процесс использования времени, переходящий в овладение. «Цель организации культуры в результате осознания проблемы времени есть преобразование мира в смысле победы людей над слепыми и косными его силами», — поясняет он [8, с. 7]. Овладение временем не сводится к смыслу жизни человека, но рассматривается как одна из первоочередных задач человека, разумных его целей.

Человек как творец явлений владеет их временем. Задача же людей «изучить законы такой времяобразующей деятельности отдельных людей и в особенности человеческих групп и рассмотреть, какие реальные изменения такое действие вносит в мир» [8, с. 16]. Деятельность эта сводится к обыденным жизненным процессам, которые происходят с нами ежедневно. В.Н. Муравьев заявляет, что каждый день мы овладеваем временем и осуществляем

его обращение, ведь «власть наша над временем весьма реальна и постоянно нами применяется» [8, с. 30]. Каждое перемещение элемента и связанные с ним изменения в системе являются изменением времени, возникающим в результате взаимоотношений данных элементов. Чтобы воздействовать на время, — делает вывод В.Н. Муравьев, — необходимо знать систему и воздействовать на ее элементы, т.к. «от движений и деятельности элементов меняется время системы» [8, с. 49].

Он обращается и к научным исследованиям времени. Например, называет «одним из наиболее ценных достижений современной физики и математики» понимание времени как множественного и разнообразного, ссылаясь на А. Эйнштейна и Г. Минковского. Однако несмотря на множественность времени и даже множественность истории как конкретного времени, В.Н. Муравьев считает, что «можно говорить об объединении временных систем в одну систему всеобщего времени» [7, с. 260]. Здесь уместно провести аналогию с дискуссией А. Эйнштейна и А. Бергсона о множественности времени и признании его одним, просто зависящим от системы отсчета, о важности субъективного опыта переживания времени, о «здоровом смысле», который верит в единое время.

Отдельно В.Н. Муравьев рассматривает овладение временем в «сознательных» системах, т.е. объединенных общим сознанием. Поскольку изменение отношений между элементами ведет к изменению времени, то в подобных системах прослеживается разумное изменение времени, т.е. овладение им. Несознательные элементы просто участвуют в процессе изменений, сознательные же хоть и подвластны сами времени, но могут его сами творить. Он поясняет, что это не кантовское понимание времени, не существующего без познающего субъекта. В.Н. Муравьев не приравнивает время к форме сознания, но выделяет действия из всеобщих действий, которые происходят по разумной воле сознающего разумного субъекта действия, создающего время. В ситуациях, когда нет такого субъекта, речь идет не о конкретном частном действии субъекта, а о всеобщем времени мирового целого без отдельных временных существований отдельных существ.

Таким образом, элемент как член системы может существовать одновременно с двумя системами времени: временем, подвластным ему, и общим временем, внешним, принудительным, зависящим от совокупности действующих сил в мире [8].

Здесь фигурирует и тема воскрешения, являющаяся лейтмотивом творчества его учителя Н.Ф. Федорова, только она применяется не относительно аспекта воскрешения предков в религиозно-мистическом смысле, а в связи с проблемой времени, власть над которым «дает мне также способность воскрешения, повторяя какую-нибудь быв-

шую последовательность событий, я воскрешаю и бывшие явления. Расширение сферы этого подвластного мне явления и есть завладение большим кругом временности...» [8, с. 54].

«Овладение временем как основная задача организации труда» завершается словами: «...надо перестать надеяться на готовую вечность и начать делать время. По всем признакам пора такой человеческой победы приближается. Слепое неразумное время корчится и трепещет в судорогах своих предсмертных убийств. А за ним грядет новое, исполненное совершенства разумное время — произведение будущей общемировой культуры» [8, с. 113]. Ключевой задачей ставится «преодоление случайного и слепого времени и замена его временем намеренным, разумным» [8, с. 59].

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-PRESS, 1969. С. 78–92.
3. *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 191 с.
4. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 18. 526 с.
5. *Лосский Н.О.* Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 416 с.
6. *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. 400 с.
7. *Муравьев В.Н.* Материалы к работе «Овладение историей» // Сочинения: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Кн. 2. С. 240–275.
8. *Муравьев В.Н.* Овладение временем как основная задача организации труда // Сочинения: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Кн. 2. С. 3–120.
9. *Савицьев В.И.* Проблема времени в персонализме Н.А. Бердяева: дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2006. 167 с.
10. *Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
11. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 321 с.
12. *Флоренский П.А.* Иконостас // Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил–Русская книга, 1993. С. 309–316.
13. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. 492 с.

Получено 12.02.2016

References

1. Bakhtin M.M. [Forms of time and the chronotope in the novel. Sketches of historical poetics]. *Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki*. [Issues of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russian).
2. Berdyaev N.A. *Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoj sud'by* [The meaning of history]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1969, pp. 78–92. (In Russian).
3. Berdyaev N.A. [I and the worlds of objects]. *Berdyaev N.A. Filosofija svobodnogo duha* [Open esprit philosophy]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 191 p. (In Russian).
4. Lenin V.I. [Materialism and empiriocriticism]. *Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd.* [Omnibus edition. 5th ed.]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1968, vol. 18, 526 p. (In Russian).
5. Losskiy N.O. *Mir kak osushchestvlenie krasoty. Osnovy jestetiki*. [The world as the realization of beauty]. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 1998, 416 p. (In Russian).
6. Losskiy N.O. *Chuvstvennaja, intellektual'naja i misticheskaja intuicija*. [Sensuous, intellectual and mystical intuition.]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 400 p. (In Russian).
7. Muravyov V.N. [The conquest of history. Documents] *Sochineniya: v 2 kn.* [Oeuvre: in 2 books]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011, book 2, pp. 240–275. (In Russian).
8. Muravyov V.N. [The conquest of time as objective of work setup]. *Sochineniya: v 2 kn.* [Oeuvre: in 2 books]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011, book 2, pp. 3–120. (In Russian).
9. Savincev V.I. *Problema vremeni v personalizme N.A. Berdyaeva*. [The problem of time in the personalism N.A. Berdyaev]. Dissertation, Kaliningrad, 2006, 167 p. (In Russian).
10. Uhtomskiy A.A. *Dominanta*. [Dominant]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002, 448 p. (In Russian).
11. Florenskiy P.A. *Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitel'nyh proizvedenijah* [Spatiality and time assay in art-graphic products]. Moscow, Progress Publ., 1993, 321 p. (In Russian).
12. Florenskiy P.A. [Iconostasis]. *Izbrannye trudy po iskusstvu* [Selection of art compositions]. Saint Petersburg, Mifril–Russkaja kniga Publ., 1993, pp. 309–316. (In Russian).
13. Florenskiy P.A. *Stolp i utverzhdenie istiny* [The pillar and ground of the truth]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 492 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 12.02.2016

Об авторе

Малова Ольга Вадимовна

аспирант кафедры истории русской философии

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова,

119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;

e-mail: olga.ma-lo-va@yandex.ru

About the author

Malova Olga Vadimovna

Ph.D. Student of the Department of History of Russian Philosophy

Lomonosov Moscow State University,

27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;

e-mail: olga.ma-lo-va@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Малова О.В. Проблема времени в русской философии первой половины XX в. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 57–63. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-57-63

Please cite this article in English as:

Malova O.V. The problem of time in Russian philosophy in the first half of the 20th century // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 4(28). P. 57–63. doi: 10.17072/2078-7898/2016-4-57-63